

Книжная серия
ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ
Выпуск 2

*Книга – это событие,
Интернет – это будни.*

Книжная серия «Первый полет» призвана знакомить читателей с новым поколением русских поэтов и писателей Эстонии.

Издатели:

Эстонское Литературное Общество (EKS)

Tuulelohe – Воздушный змей (TVZ)

Художественное оформление серии Марек Аллвез

Дмитрий Краснов
Летнее перемирие

Тарту 2006

Дмитрий Краснов. Летнее перемирие: Сборник стихов, 2006. – 40 с. –
Серия «Первый полет», вып.2. Тираж 200 экз.

Редактор: П.И. Филимонов

Сборник выпущен при поддержке фонда Eesti Kultuurkapital
Типография Bookmill, Тарту, Эстония

© Дмитрий Краснов
© EKS, 2006
© TVZ, 2006

ISBN-13: 978-9949-13-846-3
ISBN-10: 9949-13-846-9

Летнее перемирие

ЛИШЬ БЫ

Дождя не будет...

Юрий Шевчук

Вот почти и лето настало,
пора бы и пиво по чайникам,
с обоев взлетают бабочки.
Пока что их вовсе мало,
но солнце в дверях начальником
уже появилось. Мамочки,
что будет с моей меланхолией,
со мной-то что скоро станется,
когда зашнуруюсь кедами?
И зелень своей монополией
взорвется и всем понравится
банданами, велосипедами.
Оно будет с фильма советского,
и небо там будет мирное,
упасть в него и не вынырнуть.
Счастливого столько, детского,
жизнь легкая, жизнь эфирная...

Мне лишь бы...

хотя бы кто-нибудь...

ГАЕЧКА В ОСЕНЬ

Опять в межсезонье зависли,
легли черной шляпой на проседь.
Под шляпою странные мысли:
«А может гранату бросить?»

Дождь точит шизою френию
и яблоки моет на ветках
опавших берез. Кара мию¹
ищу в обнаженных нимфетках.

Ищу в каждом встречном кармане
свой маленький ключик... на восемь.
Скручу им на облачном БАМе
счастливую гаечку в осень.

---

¹ cara mia – дорогая моя (ит).

Я ЗАПРЕЩАЮ ВЗЛЕТ

*Это не смерть, это просто встали часы,
Домики ускоряются под крылом,
Вспомни себя – ты же в дюйме от полосы,
Забывай ее, забывай ее.*

Олег Медведев

За нами шпионит зима
Из-за кустов ежевики,
Горюшко ты от ума,
Слышишь прощальные крики?
Это птицы летят на юг,
Трещины в корке загара.
Я тебе больше, чем друг,
Ты же мне меньше, чем пара.
Я запрещаю взлет,
Небо в свинцовой пленке,
Но это крайний заход,
Рвутся турбин перепонки,
Все огоньки под крылом
Слились сплошным потоком.
Стать бы осенним дождем –
Чтобы по водостокам.

НЕ ХОДИ...

Не ходи на двор, деточка,
синоптики испортили прогноз.
В чужой кошелечек монеточка,
котенок из-под колес,
из пальца заноза медная,
из глаз... плакать поздно, поди.
Там ночь, но такая бледная,
кто скажет, что все впереди...
Не ходи на двор, моя лапочка,
умирает там дурачок,
он любил, а любовь, что лампочка –
вокруг цоколя проводок,
и висит она в пустой комнате
все одна, все горит в темноте.
О повешенном хватит, полноте,
не в обиде он в тесноте.
Кто кудесит над всем с погонами,
генералит на чем стоит свет.
Встань огарочком перед иконами.
Не ходи на двор... его нет.

РАНО

Мне, безусловно, рано умирать.
Податься некуда, ни до, ни после смерти.
Чтоб обрести, приходится терять
хоть пустоту. Не верите? Проверьте.
Я думал, в мире есть совсем немного, но,
глядя на свет, и этого не видно.
Ноль минус ноль, прибавить ноль, равно,
как ни считай, а все равно обидно,
как ни живи, а все равно один,
с кем ни ложись, а сам себе хозяин,
«Огорожанился...» и «...стал совсем ручным»,
но здесь ошибся Игорь Северянин.
Ни голубем мне быть, ни заключенным.
Куда лететь? Откуда же бежать?
Всю жизнь причислен к заживо рожденным
мне, безусловно, рано умирать.

УЧЕБНИКИ

Упростить свою жизнь в делении
и по-тихому так преставиться,
Без x^A обойтись в уравнении,
не искать ничего, не париться.

Все ответы в конце учебника
если есть, то чего же спрашивать?
Все равно, что просить волшебника
голубым васильки раскрашивать.

Все написано, вот содержание.
Так зачем наизусть рассказывать?
Все равно, что иметь желание,
но ни разу его не загадывать.

Хотя, что таить, ведь не сбудется.
Ночь до пят вся июлем крытая.
Кто любовь поднесет на блюдице,
если чашка уже разбитая,

если ноги уже натерты,
за все земли уж трижды хожено.
Но куда ни глянь – всюду мертвые
вертят шар земной, как положено.

БОБРУЙСК. КУХНЯ

Сегодня утро начинается с полудня.
Кто не проспал, тот должен делать вид,
Что все болит
От драк за праздник в будни
И за права на местный колорит.

По дому бродят топлесс чьи-то феи,
И мы невольно косимся на грудь.
Одеть, обусть
И выставить за двери.
Да будь хоть что, иль ничего не будь!

Путевка в жизнь, и каждый в этом списке.
Чем ты довольней, тем скудней умом.
А им не влом
Ползти до главной миски,
Где первых ждет гараж и частный дом.

Пахать, чтоб сеять, сеять, чтобы снова
Идти пахать. Как школьный стадион.
Ты превзойден
Сто раз, как мастер слова,
И столько же, как мертвый чемпион.

Все суета. А здесь уж стрелки к часу,
И за окном вчерашний новый день,
И так же лень
Стихи делить на массу
И скорость света умножать на тень.

Вновь аффтар жжот. Готическое соло.
Как ни крути жену, а все – баян.
Но я не пьян,
Мне подарили слово,
Потом опомнились и дали по зубам.

8ая МАРТА

Она сказала: прощай. Развернулась и топнула ножкою.
Он поглядел на нее, но уже не увидел прикрас.
Он взял свои диски и книги. Она промяукала кошкою:
«Подите же прочь, я безумно устала от вас».
Она предписала ему эту ночь провести в одиночестве,
Но эта расплата смешна тем, кто трижды распят,
Познавшим весь путь еще где-то в духовном отрочестве,
Весь путь, где подобные ей идут только назад.
Он даже не пьет и не курит, он спит календарными сутками,
Почти офицер поднебесных элитных частей.
Там все камикадзе, и гордость их спать с проститутками
Ему не позволит, хоть режь, хоть пытай, хоть убей.

ХВОРАЮЩИЙ ПОЭТ

*У поэта не все дома,
В отпуску семья поэта не поэта.*

Константин Арбенин

А ведь и правда мои дамы биты,
И мой мотор живет лишь «с толкача».
Взломай PIN-код и вызови врача!
Пусть перечтет мои эритроциты.
Скажи ему: я болен всей душой
И что поэт скажи, а, стало быть, циррозом,
И что рисую по спине морозом,
Что слишком жив и слишком молодой.

Звони в участок и скажи: префект,
Я тут нашел украденные строчки
И вор при них, ему отбейте почки.
Поверьте, изумительный эффект
Когда трясешь, оно, глядишь, и звякнет
Из пиджака закишим пятаком
Потом еще одним, потом еще, потом
Пиджак даст крови, всхлипнет и обмякнет.

Звони ж пожарным, в телемагазин,
Звони на радио и в «РТР-планета».
Пусть знают все: я болен, я один!
Пусть соберутся в доме у поэта,
Пусть говорят, пусть подливают чаю,
Мол, дайте волю, мы ее исполним.
И тут я выйду к ним в одном исподнем
И объявлю, что я не умираю.

ЛАПКИ

Мягкие лапки врезаются в белые вальсы,
а белые вальсы копят желтоглазые свечи,
огонь желтых глаз тушат нежные тонкие пальцы,
я тонкие пальцы целую губами, до встречи,
а встречи во снах, переходах, да мало ли где там,
да мало ли где там еще разыграется вальс,
а вальс разнесется по улицам ноющим ветром,
тем ветром, что носит простуду то к нам, то от нас,
от нас загораются в зал желтоглазые свечи,
свечей желтоглазых заря опадает на лица,
а лица целуются в губы и шепчут: «До встречи»,
а встречи, как миг, коротки, чтобы вдоволь напиться,
как вдоволь напиться росой или чувством полета,
а чувство полета на русском запишут в тетрадки,
в тетрадке подчеркнуто красным неясное что-то,
неясное что-то несут эти мягкие лапки,
и мягкие лапки врезаются в белые вальсы,
а белые вальсы...
целую губами, до встречи.

ЛАЖА

Если смотреть на звезды, становится непонятно, почему мы боимся
контролеров,
да и вообще, зачем мы ездим в автобусах и пробиваем билеты.
Мир – это следствие пьяных застолий, драки и споров,
а жизнь – переход к вопросу «что ты?» от «где ты?».

Если попытаться сказать обо все разом – не получится слово,
подумать попытаться – будет еще одна лишняя сигарета.
Бьющей руке подставить щеку свою снова
можно, но ей все равно наплевать на это.

Стихи ей читать или песни петь, а из листьев делать гербарий
можно, играть на гитаре голым на общественном пляже.
Но вся совокупность прозы, стихов, ариоз и арий,
где в центре спирали ты – похоже, простая лажа.

ЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ

Щурясь, спустят курки...

Лето!

Здорово!

Антипа Молчун

Лето. На полотенцах песок, в рюкзаке, в стельках ботинок, даже на свежих простынях что-то больно врезается в спину. Снова беру уголек, ночь – время черных картинок, чтобы сложить зимой все их в одну картину.

Лето. Шумит прибой. Страшно, но мы повзрослели, Мы горожане с тобой. Слушай, ты видел горы? Но только дешевый кабак, где местные менестрели, рифмуя стихи на fuck, втирают их в наши поры. А нам остается душ, два полотенца, тапки, и, чтоб не оставить луж, шторка из целлофана.

Но этот желтый песок забрался в секретные папки, Под ногти и на зубах скрипит, и на стенках стакана осколки погибших гор, отсчет непрожитых жизней.

Заклинит в бою затвор, и некогда будет чистить – песок. И жара. Пора сходиться на пацифизме. Смешно уходить воевать во время зеленых листьев.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

*С его крыла сорвалась чешуйка и, качнувшись под ветром,
приземлилась на покрытый облетевшими листьями бетон.*

Виктор Пелевин «Жизнь насекомых»

И, сидя в кафешке, не успеешь влюбиться,
как рыжая девочка несет свой подсолнух.
Сегодняшний дождь, как глинтвейн и корица,
сливающий хаос на жизнь насекомых.
На нотном листе телефон пиццерии,
в тетради стихов лишь смешные картинки,
и быть не как все, значит быть, как другие,
а, впрочем, не важно. Промокли ботинки
и куртка, и с крыльев пыльца облетела,
и жизнь расплескалась на рельсы трамвая.
Пропущен звонок. Ты чего-то хотела?
Хотя все равно батарейка пустая,
как сердце. Банальность таких аналогий
зачтется виной мне при новом правлении.
Смешно, не у Бога, а с виду убогий,
нашедший ответы в испорченном зрении,
нашедший вопросы в испорченных соках,
что стали вином и распиты из горла.
И глупо жалеть, что повязан в пороках,
когда тебя искренне все это перло.

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Странная сказка с нелепым концом...

Олег Медведев

Нарывает от мыслей голову,
В этой сказке так много личного,
Как всегда не хватило олова
На двуногого симпатичного.

Балеринка моя картонная,
С тобой рай в шалаше – не верится.
На окне свеча электронная,
И врагов лишь пустая мельница.

Табакерка заляпана скидками
И уйдет в руки дядьке важному.
Перештопали сказку нитками,
Правда, белыми. Видно каждому.

ПЕРВЫМ

Хранитель душ цветущих гладиолусов
с транскрипции читает соловьев.
Бог, занятый на производстве глобусов,
что оживают с самых первых слов.

Но птичий стих не выйдет из компрессии
архивов zip. и белых черепов.
Арифметична голая прогрессия,
иди ко мне, я ко всему готов!

Мой мертвый друг достал себе билеты
в один конец до мира класса V.I.P.,
он слишком верил дулу пистолета
и, как поэт, не умер, а погиб.

И каждый миг с ионосфер планеты,
как атомы, срываются во тьму:
писатели, художники, поэты
неясные ни сердцу, ни уму.

Их истребители с отпиленными шасси,
пройдя лишь раз через ночной таран,
садутся на иной небесной трассе.
Мы слышим их в эфире по шумам.

Считаем гильзы сломанных подружек
и ордена за стрельбы «в молоко».
А здесь никто и никому не нужен,
поэтому и дышится легко.

И карлик сна, коротенький и нервный,
в блокноты вен пускает кетамин.
На этом финише ты почему-то первый.
Проверил тыл и понял, что один.

ПОЗДНЯЯ, ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ
(моей маме)

*Все перечислены причины,
и так кокетливы береты,
и в целом доме - ни соринки,
и подступает Рождество.
А ваши мертвые мужчины
все так же щурятся с портретов,
все так же дышат сквозь тростинки
и не прощают ничего.*

П.И. Филимонов

Коты расходятся боками,
Цепляя ус за ус плетеный,
И попевает ежевика
В осеннем золоте берез.
А я уеду в гости к маме
В тот старый дом, давно снесенный,
Где осень жгучая, до крика
Меж разделительных полос
Ложится, словно засыпая
Себя нагую первым снегом,
И сходит с вечного «транссиба»
Предновогодний огонек,
И бьется жизнь в стекло трамвая,
Закрытая неверным «тэгом»,
Подаренная за спасибо,
Как под ладошкой мотылек...
Тягаю сигареты мамы
И забываю мыть посуду,
Делюсь осеннею тоскою
И чем-то главным между строк.
Гляжу на города и страны,
В которых никогда не буду
Я ни проездом, ни с тобою...
И в печке тлеет уголек.

Ватерлиния

РАЗЖИМАЯ КУЛАК

Там, где я родился, основной цвет был серый.

Борис Гребенщиков

Я родился в одном из тех мест,
Где задачи решают из чисел,
Где сажают на кол и на крест,
Тех, кто чем-то ответы превысил.

Я родился до первой травы,
Чтоб увидеть всю суть превращения,
Где в финале паденье листвы,
Словно занавес на представление.

Я живу в океане прохлад,
Я дышу сквозь небесную просинь
И, пытаюсь вернуться назад,
Окунаюсь в последнюю осень.

Я пришел, не заметил и как,
Я снял шляпу в коротком поклоне.
В первый раз, разжимая кулак,
Я увидел себя на ладони.

МОРОЗ

*А впереди двадцать первый век
Текущий камень пангейских рек,
Потом осенняя слякоть, потом зима, потом Кайнозой.*

Олег Медведев

Взлетных полос роса, огоньки во тьме,
Как ни сердчай, но дело уже к декабрю.
Ангел уходит в рейс по шальной зиме,
Может и жаль, только ангелов я не люблю.

Выпей со мной воды заржавелых рельс,
Я расскажу про звезды и поезда,
Что древком индейских стрел проносились здесь,
Как от столба к столбу падали провода.

Утром настанет жизнь, что ты расскажешь ей?
Коли привык давно к мысли, что ты умрешь.
Каждое наше слово живое, как воробей,
С серыми крыльями, мелко-пернатая ложь.

Хватит с тебя этой кармы вагонных колес,
Стука в рассвет твоих холостых стихов.
Ангел, ушедший в рейс, навсегда замерз.
Ты и подавно уж следом идти не готов.

ПУСТОЕ СИДЕНЬЕ

*Ты проезжал по разным местам,
Но так и не встретил места,
Где б дизельный твой «Мустанг»
Встал бы у ее подъезда.*

Олег Медведев

Осень – время очищения водой,
Поэтому нам и больно,
Поэтому ностальгично.
Ветер с неба: «Пли!», только холостой.
На расстреле – вольно,
У стены – кирпично.

Было время дня, но ты не успел,
Сколько колесил,
Как ни умолял,
Но с тобой в авто рядышком не сел,
Кто бы полюбил
И не отпускал.

Что ж, готовь мотор к ядерной зиме,
На дороге соль,
Ржавые следы,
В кулаке ключи. Заходи ко мне
Абсолютный ноль,
Абсолютный ты.

СПУТНИКИ

Параллельно пути, черный спутник лети.

Янка Дягилева

А по небу ходят спутники
Семимильными шагами.
Я смотрю на них сквозь пальцы.
Малолетние преступники
Трижды Шпака обокрали.
Эх, подвесить их за яйца!

Моя радость повзрослевшая
Про последствия аборта
Знает больше, чем положено.
Шлюпка, гордо уцелевшая,
Не швартуется у порта.
Ну, да ей и не предложено.

Я спешу на все автобусы
В куртке замшевой, три штуки,
Но никак не успеваю.
А судьбе за эти фокусы
Я бы лично вырвал руки.
Только где они, не знаю.

А на самой главной улице
Самый крепкий крест поставили,
Насажали вокруг терновника.
Ночью двухголовой курице
Что-то где-то оторвали.
Проворонили виновника.

Под дождями бродят путники
Против ветра волосами,
Перештопанными венами.
А по небу ходят спутники
Семимильными шагами,
Наблюдают нас антеннами.

А над миром ночь сплошная,
Две медведицы зимуют,
Куцехвостые, на севере.
Смерть сболтнула у сарая,
Что ее, мол, не минуют,
А мы, глупые, поверили.

Порожние трюмы, как призрак,
Везу на подтаявший Север
С учетом магнитных склонений.

Мой ангел, не будьте угрюмы,
И выбросьте к черту свой плеер.

Я знаю.

    Все будет.

        Я гений.

КОЛЬЦО

Смотреть в глаза летящей электричке
бесперспективно. Впрочем, как и в ней
пытаться спать раздетым, без налички,
свернувшись в ноль у тамбурных дверей.
Куда-то в город за меридианом
из тысячи без одного огней,
где, с мертвым ханом подымив кальяном,
услышать чье-то сумрачное: «Эй!
Смотри под ноги, топчешь эдельвейсы!
Твой “Беломор”, мои сырые спички,
закурим здесь». Устроиться на рельсы,
взглянуть в глаза летящей электричке.

ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ НАМ

И когда я был мал, ты учил меня своей дороге 21.

Борис Гребенщиков

Дороги 21 не существует,
безбашенных нас, едущих на старом Форде
из города в город, и в грязном салоне ветер.
Just do it!
Но снова никак не пройти босиком по воде
на те берега, где вряд ли нас кто-то встретит.
Я сплюнул со зла,
а кто-то решил, что откупорил колу,
и между сидений просунул ладонь, мол, дай!
В ладоне зола,
и все ее линии тянутся к полу,
упершись в единственно верный диагноз: must die.
Восходит луна.
Качай и баюкай, дорога,
и так безучастно к судьбе разорви пополам,
откинув вчера,
словно выхлопы серого смога,
а все, что осталось, дай ветром по волосам.
Пусть все будет нам,
решившим доехать до Бога.
Пусть все будет там!
И пусть будет больше, чем много,
дороги колесам и ветра большим парусам.
Пусть все будет нам.

Сначала весело, потом повесишься.

Глеб Самойлов

Я запутался между явью и сном.
Каждый выход на бис –
это чей-то облом,
он глядит сверху вниз
из-за рваных кулис.
Я курю и шепчу ему: «ом».

Здесь, кажется, спрятана тайна,
но город – всего лишь дома,
построенные случайно.
Школа, больница, тюрьма
в любом порядке, все фатально.
Мне остается гениально
сойти со скользкого ума,

уйти со взлетной полосы
и сдать пароль на интернет,
отсесть от крашенной чиксы.
Смешно с билетом на балет
прийти и получить минет,
оставив несколько монет,
запрыгнуть в лифт, забыв трусы.

Смешно, аж хочется рыдать
в чужую теплую ладонь.
И мне привидится, что мать
пришла ко мне и сивый конь,
и мы ведем его купать,
и... показалось. Что ж, опять
больные струны задевать,
играя, умолять: не тронь.

ПРОТИСНУТЬСЯ СКВОЗЬ СТЫКИ РЕЛЬС
(*посвящается Владе*)

Моя голова – перекресток железных дорог.

Александр Башлачев

В глазах товарников читаю, что напрасно
иду порожняком и рельсов не кую,
машинным маслом вниз (ведь это тоже масло)
со взорванных путей не упаду. В Раю
останется пустым купе с отдельным душем,
пусть сдаст его другим усатый проводник.
А я дождусь Тебя, и мы тогда просушим
гербарии ночей меж отсыревших книг
за времена дождей, которым нет начала,
цари под их минор меняли календарь,
промокшая тоска нам мантры сочиняла
про скорый за окном, про «...улица, фонарь...».
Но Ты пришла, и все стихи в библиотеку,
и ожил паровоз, что камнем на стене
я пьяный рисовал. Он загудел и в Мекку
умчал в вагоне нас, игравших на Луне.

Как жаль, что все не так, и вовсе не бывает
таких чудес, как Ты, таких глупцов, как я.
А пьяный товарняк упорно наезжает
и бьет меня в висок, и, рельсами звеня,
уносит в мягкий Рай зеленого вагона,
где есть отдельный душ и свежее белье,
усатый проводник и запах самогона,
и «Желтая стрела», и «каждому свое».

Расшибающиеся – бессмертны!

Андрей Вознесенский

Так, конечно, всегда теплее
если б мог провести рукой
по щекам Твоим и по шее,
и по нимбу над головой.
Моя жизнь и Твои ладони,
как туман над ночной рекой.
Ты запомни меня, запомни!
Если вдруг я проснусь другой,
если помнить не буду Лун я
городскою горячкой больной,
Ты напомни, моя колдунья,
что вчера еще был собой,
рос травой под ступнями феи...

Если б мог провести рукой
по щекам твоим и по шее,
и по нимбу над головой,
не топил бы тогда спидометр
в бурных водах слепых скоростей,
не боялся, что скажут «помер»
безразличные маме моей.
Но что есть, тем и будем рады:
знак 110 и две полосы.
Значит, можно через каскады
виадуков лететь. Часы
еле ходят на скорости 200,
вечно, вечно и вечно мчать.
Пол-ошибки. Хлопок. На месте
может стрелка секундная встать,
как набор моего монолога,
что зависит от стука в груди.
Доктор-смерть моя, доктор-дорога,
серебришься иглой впереди.
Дозой, взбитой в морскую пену,
покидаю твой острый шприц,
что введен горизонту в вену
выше всех допустимых границ
и порогов известной боли.
Нам взаимен летальный исход.
Я – твой донор, мой брат по крови.
Я сегодня налью восход.

А есть еще хуже: «Египет круглый год».

Петр Мамонов

Сидеть на солнце, смотреть на травку.
Долго – наскучит. Зачем же долго-то?
А где же взять мне такую справку
с запретом на ощущение холода.

Эх, завести в эту суб-полярщину
еще б с гарантией круглогодичною
две фуры с летом, птиц тарабарщину,
поляну ясную и земляничную.

А так, прищурился в первых лучиках,
и пахнет смертью уже заранее.
Словно всю жизнь проходить в поручиках
и застрелиться с потерей звания.

Мне говорят, есть Египты-Турции.
Но это ж клиника! Там же увечные
домохозяйки, жертвы инструкции...

А мне бы лета, да так, чтоб вечного...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ	5
ЛИШЬ БЫ	7
ГАЕЧКА В ОСЕНЬ	8
Я ЗАПРЕЩАЮ ВЗЛЕТ	9
НЕ ХОДИ...	10
РАНО	11
УЧЕБНИКИ	12
БОБРУЙСК. КУХНЯ	13
8АЯ МАРТА	14
ХВОРАЮЩИЙ ПОЭТ	15
ЛАПКИ	16
ЛАЖА	17
ЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ	18
НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ	19
ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК	20
ПЕРВЫМ	21
ПОЗДНЯЯ, ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ	22
ВАТЕРЛИНИЯ	23
РАЗЖИМАЯ КУЛАК	25
МОРОЗ	26
ПУСТОЕ СИДЕНЬЕ	27
СПУТНИКИ	28
ВАТЕРЛИНИЯ	30
КОЛЬЦО	32
ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ НАМ	33
В АРМАТУРЕ	34
ПРОТИСНУТЬСЯ СКВОЗЬ СТЫКИ РЕЛЬС	35
БЕЗВЫБОРЬЕ	36
«ГОРА ШУМЕР. ВЕЧНОСТЬ. ЛЕТО» ИЗ ПИСЬМА КОМАНДАНТЕ ЧЕ	38